

Этого человека знали, любили и уважали все. Популярность народного артиста СССР Николая Черкасова, 70-летие со дня рождения которого исполняется сегодня, была поистине мировой. Фильмы с его участием обошли экраны всей планеты. Но его известность и успех были шире актерской славы. Его знали не только как талантливого артиста, его знали как неутомимого борца за мир, пламенного трибуна.

Первое знакомство Николая Константиновича с режиссером Питером Бруком и артистом Полом Скофилдом, состоявшееся в Ленинграде во время гастролей театра из Стратфор-

да-на-Эйвоне, стало началом большой дружбы художников. Будучи в Ленинграде уже после смерти Черкасова, в беседе с корреспондентом «Советской культуры» Пол Скофилд говорил о том, что он обязан Николаю Черкасову любовью к советскому русскому театру и кино, что желание сыграть в Лондоне Хлестакова в гоголевском «Ревизоре» у него появилось под влиянием Николая Черкасова.

Сегодня мы публикуем два письма, любезно предоставленные редакции вдовой артиста Ниной Черкасовой, являющейся редактором-составителем сборника «Николай Черкасов», готовящегося к печати.

ВЕЛИКИЙ АКТЕР, УЧИТЕЛЬ И ДРУГ

Начав молодым актером в Ленинграде после Октябрьской революции, испытал глубокое влияние спектаклей с Шаляпиным, Николай Черкасов был выдающимся представителем советского драматического театра на протяжении почти 50 лет. Те из нас, кто не имел счастья видеть его в театре, но видел его игру в советских фильмах «Александр Невский», «Иван Грозный», «Дон Кихот», понимали, что он один из самых великих, из самых выдающихся актеров нашего времени.

Когда я был молодым актером и увидел Черкасова в этих трех ролях, я тоже испытал на себе влияние его поразительно разнообразного таланта. У меня было ясное впечатление о его характере как

актера, обладающего в огромной степени всеми достоинствами и силой человечности. Его исполнение поражает тем, что не только привлекает к себе внимание, но и подчиняет себе, имеет власть над вами.

Когда я впервые встретил его в 1960 году в Ленинграде, а затем пять лет спустя в Шекспировском театре Стратфорда-на-Эйвоне, я убедился, что мои первые впечатления о его игре были верным отражением его личных качеств. Он произвел на меня впечатление бескорыстной и благородной личности, впечатление человека, в котором годы преданного труда, терпеливого совершенствования мастерства откристаллизовали лучшее, что в нем было. Во время нашей последней встречи я был встревожен его усталым видом и испытал чувство приближающейся утраты, когда прощался с ним на пороге своей гримерной.

Его отсутствие чувствуется и печалит все те страны мира,

где любят театр и бесчисленных зрителей, которые понимают, как и я, что мы потеряли не только великого актера, но также учителя и друга.

Пол СКОФИЛД.

ЛОНДОН.

ОН ЩЕДРО ОТДАВАЛ СВОЕ СЕРДЦЕ

Слово — плохой инструмент для того, чтобы попытаться зафиксировать искусство актера. Актерская игра существует в настоящем — в тот момент, когда какие-то сильные, но невидимые флюиды связывают его с аудиторией. Этот контакт почти исчезает, когда кончается спектакль. Почти, но не совсем. Специфика актерской игры может быть схвачена экраном — и сквозь фильм некая правда может еще звучать, даже если прошло много лет и переменились вкусы. Она может быть сохранена и другим путем — как живое влия-

ние, влияние на зрителя, влияние на других актеров.

Природа этой правды и силы, этого влияния различна у разных актеров. Некоторые актеры блестящих дарований могут, однако, исчезнуть и оставить лишь небольшой след. В конечном счете лишь эмоциональная сила оставляет глубочайшее впечатление.

Главное, что вспоминается в работах Николая Черкасова, — его трепетная человечность, которая сродни резонирующим струнам фортепиано или виолончели. В образах, созданных им, звучит неодолимо его собственная струна и вместе с тем, более чем его собственная, — струна русского народа и русской земли. Недаром во всем мире Черкасов и русский героизм неотделимы. Именно поэтому я вижу в нем прежде всего воплощение способности чувствовать. Ни один артист не может глубоко передать чувства, если он не постиг их природы в своей собственной артистической битве, если отвага и искренность его собственной жизни не научили его их понимать.

Именно в этом смысле мы говорим о глубине человека. Именно здесь за отсутствием более научных терминов мы говорим о сердце актера.

Николай Черкасов рсталчал свое сердце и глубину своей природы щедро и великодушно, и поэтому он живет среди нас — в нашей памяти, в его артистическом влиянии на нас.

Питер БРУК.

ЛОНДОН.